

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

РОССІЯ

№ 34 (640) Парижъ 14 августа 1937 г.

Передъ занавѣсомъ „художественниковъ“

Бесѣда съ И. А. Бунинымъ

Лоллія Львова

Пріѣздъ въ Парижъ Московскаго Художественнаго Театра встрѣчаетъ, конечно, живой откликъ въ русской колоніи въ Парижѣ. Можно не сомнѣваться: русскіе, какъ ни бѣдны они, — въ громадномъ большинствѣ побываютъ на спектакляхъ «художественниковъ».

Русскіе писатели также, вѣроятно, будутъ на ихъ премьерахъ. — Бунинъ, Тэффи, Зайцевъ, Алдановъ, Ремизовъ, другіе молодые, неизвѣстные еще въ Россіи писатели и тѣ изъ нихъ, кто въ настоящее время въ Парижѣ... Москвичи — артисты на этотъ разъ будутъ играть и передъ той, живой и свободной, русской литературой, о которой въ Россіи строжайше приказано молчать и которую приказопослушнымъ и служилымъ Эренбургамъ и Алексѣямъ Толстымъ, повелѣно поносить и всячески изничтожать въ своихъ фельетонныхъ впечатлѣніяхъ о поѣздкахъ за границу. Такъ впервые, здѣсь въ Парижѣ, послѣ долгихъ лѣтъ произойдетъ встрѣча артистовъ театра Чехова съ свободной и независимой русской литературой.

А между тѣмъ тема связи Московскаго Художественнаго Театра съ русскимъ писателемъ большая и значительная тема. Писатель въ исторіи, въ созданіи Московскаго Художественнаго Театра сыгралъ совсѣмъ особую роль. Встрѣча артистовъ съ писателемъ въ стѣнахъ Московскаго Художественнаго Театра была такой, какой нигдѣ и никогда въ другомъ русскомъ театрѣ не бывала. Мы имѣемъ въ виду, конечно, встрѣчу театра съ Чеховымъ... Вотъ почему передъ поднятіемъ занавѣса Московскаго Художественнаго Театра въ Парижѣ намъ показалось и интереснымъ, и обязательнымъ встрѣтиться съ И. А. Бунинымъ, живымъ свидѣтелемъ изъ одной изъ этихъ встрѣчъ, и услышать отъ него нѣсколько словъ объ этомъ.

Бунинъ только что возвратился въ Парижъ изъ поѣздки по Швейцаріи. Посвѣжѣлъ и какъ то повеселѣлъ въ лицѣ, словно довольно надышавшись чистаго воздуха и отдохнувъ на свободѣ. Мы застали его за рабочимъ столомъ. Онъ разрѣзалъ страницы только что вышедшей изъ печати своей новой книги о Толстомъ «Освобожденіе Толстого» — таково названіе, четко обозначенное на обложкѣ просто, но съ большимъ вкусомъ, изящно изданной книжки. Бунинъ въ хорошемъ, добромъ настроеніи. Онъ оживленъ и разговорчивъ. Какъ то сразу чувствуется, что онъ доволенъ появленіемъ своей книги — всякій, встрѣчавшійся съ нимъ въ минувшую зиму, знаетъ, какъ онъ былъ увлеченъ и поглощенъ своей работой надъ книгой о великомъ русскомъ писателѣ, какъ въ буквальному смыслъ этого слова, любовно онъ работалъ надъ ней, тщательно подготавливалъ ее и какъ бывалъ охотно разговорчивъ именно на тему о Толстомъ. Но на этотъ разъ нашъ разговоръ долженъ быть о

немъ. Поздравивъ его съ появленіемъ новой книги, прежде чѣмъ объяснить, о чемъ «Иллюстрированная Россія» проситъ его поѣздиться своими воспоминаніями, задаю нѣсколько вопросовъ о совершенной имъ поѣздкѣ.

Бунинъ доволенъ поѣздкой, хотя вовсе не сердитъ на шумный и утомительный Парижъ.

Спрашиваю:

— Видѣли ли вы въ Швейцаріи С. В. Рахманинова?

И слышу въ отвѣтъ, что вмѣстѣ съ Вѣрой Николаевной онъ побывалъ и у знаменитаго русскаго композитора, какъ разъ только что вернушагося на свою виллу подъ Люцерну съ Адриатическаго побережья.

— Видѣлъ, видѣлъ, — отвѣчаетъ на заданный вопросъ Бунинъ, — мы были у него, въ чудесной усадьбѣ, на берегу Люцернскаго озера, и провели тамъ прекрасный вечеръ. Къ сожалѣнію, на другой же день мы должны были уѣхать...

Но и добродушіе и улыбка какъ-то сразу исчезаютъ съ лица Ивана Алексѣевича, какъ только онъ слышитъ о намѣреніи побесѣдовать съ нимъ о Московскомъ Художественномъ театрѣ. Дѣлается сразу серьезнымъ. И я слышу въ отвѣтъ, что о «художникахъ» все уже давно сказано и пересказано — все всѣмъ извѣстно, что ничего новаго сказать ему нечего и что самъ, въ сущности, онъ даже до сихъ поръ не знаетъ, будетъ ли на теперешнихъ спектакляхъ.

Нѣтъ, разговоръ нашъ положительно не хочетъ завязаться!

Ставлю банальный, обязательный вопросъ:

— Когда и на чемъ вы были въ первый разъ въ Художественномъ театрѣ?

Бунинъ отвѣчаетъ кратко и отрывочно:

— Точно не помню.

Но съ улыбкой прибавляетъ:

— Вообще у меня память очень хорошая, но я всегда многого не запоминалъ, помню только важное, все бесполезное и ненужное память не удерживаетъ...

— Но все же...

— Насколько помню, первое, что я видѣлъ у нихъ былъ «Царь Федоръ Іоанновичъ», или, можетъ быть, это была «Чайка».

Ставлю второй обязательный — и тоже уже банальный — теперь вопросъ:

— Что вы скажете о переименованіи Художественнаго театра въ театръ Горькаго?

Бунинъ говоритъ рѣшительно и вѣско, серьезно, какъ бы обдумывая каждое слово:

— Теперь этотъ театръ, который и Станиславскій, и Немировичъ — Данченко, да и вся публика, всегда называли «театромъ Чехова», сталъ почему-то называться «театромъ Горькаго». Горькій въ жизни Художественнаго театра игралъ не малую роль. Но почему все-таки театръ переименованъ изъ Че-

И. А. БУНИНЪ.

ховскаго въ Горьковскій — непонятно. Такъ же, впрочемъ, непонятно, какъ всегда непонятно для меня переименованіе городовъ. Напримѣръ, Петербургъ былъ основанъ Петромъ Великимъ. Можно какъ угодно относиться къ Петру Великому, но вѣдь городъ все же основалъ онъ, а не Ленинъ. Почему мы «Ленинградъ» и кажется всегда теплою. Такъ и съ Художественнымъ театромъ, которому присвоили имя Максима Горькаго.

Воспоминанія о Горькомъ и Чеховѣ, видимо, невольно волнуютъ нашего писателя. Задаю ему вопросъ о Чеховѣ, о его «Чайкѣ»: видѣлъ ли Бунинъ «Чайку» до знакомства съ Чеховымъ или послѣ?

— Нѣтъ, съ Чеховымъ я тогда не былъ еще знакомъ. Я познакомился съ нимъ позднѣе, въ Ялтѣ, на набережной. Это было въ книжномъ магазинѣ Синани, у ялтинскаго Смирдина...

Улыбка озаряетъ и преображаетъ лицо Бунина. Онъ рассказываетъ о первыхъ встрѣчахъ съ любимымъ писателемъ:

— Меня удивили его первыя слова, съ которыми онъ обратился ко мнѣ: «Что же вы не пріѣхали прямо ко мнѣ?». Въ это время мною было напечатано очень мало. Главнымъ образомъ, стихи... — «Пріѣзжайте завтра...» — Когда? — «Да часовъ въ семь утра». Признаться, я былъ удивленъ: Какъ? такъ рано? — «Мы всѣмъ рано. Будемъ вмѣстѣ пить кофе. По утрамъ надо обязательно пить кофе. Это даетъ силы, и можно послѣ цѣлый день, не ѣвши работать...».

Таковъ былъ первый разговоръ Бунина съ авторомъ «Чайки», изображеніе распластанныхъ крыльевъ, которой еще до сего времени украшаетъ и занавѣсъ, и афиши театра. О своемъ первомъ посѣщеніи Чехова Бунинъ рассказываетъ:

— Встрѣтилъ онъ меня очень радостно и весело. — «А я тоже писалъ стихи», услышавъ я отъ него съ первыхъ же словъ. — «Я не подозревалъ этого». — «Нѣтъ, писалъ». И онъ прочелъ два свои стихотворенія, весело хохоча.

Бунинъ самъ весело улыбается и, не торопясь, читаетъ наизусть:

Шли однажды через мостики
Жирные китайцы,
Впереди их, задрав хвостики,
Поспывали зайцы...
Вдруг китайцы закричали:
«Стой! Лови! Ах!».
Зайцы выше хвост задрали
И попрятались в кустах...

Вот одно Чеховское стихотворение, а вот и другое:

Аграфена Пантелеевна!
Когда взята была Плевна,
Так солдаты отличались,
Даже турки удивлялись...

— Тут, — прибавляет Бунин, — Чехов подарил мне книгу своих рассказов. Она так просто и называлась: «Рассказы», и написать мне на ней эти два стихотворения...

В той же Ялте Бунин познакомился и со всей труппой Художественного театра. Это было, когда «художественники» приехали сюда в гости к Чехову показать ему свои постановки.

— Стучилось это у Фанни Карловны Татариновой, гостеприимно принимавшей театр у себя на роскошной даче. На плоской крыше ее дома.

— Здесь я впервые говорю Бунину, замечать роман между Чеховым и Книппер. Она тогда была и казалась довольно высокой, стройной, крепкой девушкой, во всем энергичной, с очень хорошим темным румянцем на щеках, — так что Чехов и понимал...

Бунин охотно и добродушно рассказывает о Чехове. К сожалению, услышать от него что-нибудь новое о Горьком не удается. О Горьком, о встречах с ним он писал не так давно после его смерти — что же сказать нового! Все, что он сказал, уже известно.

— Стать давать пьесы в Художественном театре и Горький. Это были «Мещане», «На дне»... Пьесы Горького мне никогда не нравились. Он был всегда сугубо, нарочито претенциозны и поучительны. После «На дне» его вызывали 19 раз. Но это уже известно, как и то, что выходя на вызовы, бледный до зелени, он скидывать назад красно-рыжие волосы, очень зло выглядывая в публику, повертываясь и уходил... Публике это очень нравилось. Странная была тогда публика! Помню, как на одном вечере, публика пришла в полный восторг, когда Скиталец крикнул в нее свой стих: «Вы жабы в гнилом болоте».

Бунин смеется, и уже, не ожидая вопросов, вспоминает о других писателях, пьесы которых ставил Художественный театр — о Леониде Андрееве, Юшкевиче, рано умершем Найденове... О последнем Бунин вспоминает с большой симпатией.

— Театр поставил его пьесу «Стены»... Пьеса успеха не имела, но насколько помню, в ней было что-то хорошее. Чехов сказал о Найденове: «Как к черту, мы все драматурги! Единственный настоящий драматург, это — Найденов. С самой настоящей драматической пружиной внутри. Он должен еще десять пьес написать, десять раз провалиться, а на десятой иметь такой

успех, что ахнешь...». Мы были с Найденовым в большой дружбе...

— А вы, Иван Алексеевич, так и не написали ничего для театра?

Бунин смотрит на меня, и, как бы вспоминая, отвечает:

— В Художественном театре ставили в моем переводе байроновского «Канна». Но это было уже, когда меня не было в России. Разговоры о постановке начались очень давно, задолго до моего выезда в эмиграцию. «Мы его поставим в сухих», — говорил Станиславский. Но это все, что я знаю об этой постановке. Не один раз Станиславский, и Немирович ублажали меня написать для них. Предлагали даже стать артистом у них, что меня страшно удивило. «Помогите», — сказала я. — я и по сцене ходить не умею. Ведь она покатая. — «Ну, этому мы вас научим, а на остальное вас хватит».

— Так что вы видите во мне погибшего артиста Художественного Театра! — кончает эту часть разговора Иван Алексеевич. И тут же, оживившись, возвращается к заданному с самого начала вопросу о его первых впечатлениях о Художественном театре. Он вспоминает, о том, как в ноябре 1898 года он видел «Царя Феодора».

— И мне многое тут понравилось, — говорит он. — Особенно раннее утро, когда царь Феодор выходит, зябко ежась, и обращается к Аринушке... Феодора играл Москвин, Ирину — Книппер... В то же время видел и «Чайку». Помню Мейерхольда — он играл Треплева. Играл истерически, мелко... Но за то в «Чайке» мне очень понравилась Лилина, артистка вообще прекрасная. Они ставили еще «Власть тьмы». И в общем неплохо ставили. Только пом-

ню, очень курьезное впечатление производила деревенская изба, которая до невероятности была загромождена крестьянским скарбом, вывезенным из Тульской губернии... Чего тут только не было: корыто, доски, дуга, колеса, даже телега...

И опять беседа с И. А. Буниным как-то неизбежно обращается к тем, которая, видимо, занимает его в настоящее время куда больше Художественного театра — о Толстом. Уходя от Бунина, невольно раздумывать о том, что из русских писателей, наверное, никто еще, никогда, не был так полон мыслями о великом Толстом, как он, Бунин, который только — что написал о нем изумительную книгу, посвященную на русском языке и уже переведенную по-французски.

Лоллий Львов.

МАРКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Рисунок знаменитой марки заимствован нами из одного советского издания 1928 г. Любопытно, что на нем новая орфография соблюдена лишь наполовину: — сохранен твердый знак. Опечатка или своеобразное «соблюдение» стиля?